

Б И Б Л И О Т Е К А

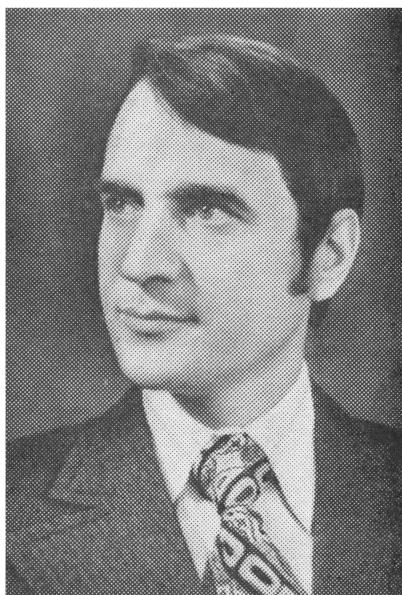
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 31

1981

Иван САВЕЛЬЕВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ТРЕБУЕТСЯ ПОЭТ!

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Иван САВЕЛЬЕВ

ТРЕБУЕТСЯ ПОЭТ!

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Иван САВЕЛЬЕВ

Иван Кузьмич Савельев родился в деревне Рудаково Смоленской области в 1937 году. По окончании Ленинской семилетней школы поступил учиться в Болховскую школу киномехаников Орловской области, работал киномехаником-передвижником, а с 1955 по 1959 г. учился в Воронежском кинотехникуме. По окончании службы в Советской Армии в 1962 году поступил учиться в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Работал в редакции газеты «Правда», в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Первые стихи Ивана Савельева были опубликованы в смоленской областной газете «Смена» в 1955 году. С тех пор поэт издал несколько поэтических книг. Среди них: «Ржаная ночь», «Граница чувства», «Сроки», «Четвертая дорога», «Ключ-земля».

За поэму о декабристе Сергее Ивановиче Муравьеве-Апостоле «Одна любовь» Иван Савельев получил премию «Огонька» за 1979 г. Член КПСС с 1968 года.

ПАМЯТИ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

О блеск и шум поэтов новых!..
Но я ловлю себя на том,
Как не хватает Смелякова,
Его открытой и суровой
Строки с лопатой и кайлом.

Средь тех, на локти тороватых,
Средь сильных цеха моего
Как не хватает нам, ребята,
Его походки угловатой
И даже резкости его.

Любой московский переулок,
Быть может, тем и знаменит,
Что он хранит его сутулость
И эхо голоса хранит.

Он обучал работе Музу
В семье людей мастеровых.
И крепче не было союза,
Чем узы творческие их.

Но, как бы ни было нам плохо
Без смелых смеляковских глаз,
Его судьба, его эпоха
Все резче проступают в нас.

Нам все сильней необходима
Его строка, что тем сильна,
Что лишена пустот и грима
И украшений лишена.

* * *

Я сегодня за все отвечаю,
Как когда-то солдаты в бою,
За нее — в ней души я не чаю —
Деревеньку, кручину мою.
Я не знаю, доколь она будет
На земле небогатой моей...
Умирают деревни, как люди,—
Берегите же их, как людей!
Ничего для себя не просили
И не прятали денег в чулок,
А кормили от века Россию,
Берегли — к колоску колосок.
Ели суп в деревянной посуде,
Пили чай бережливо, вприкус.
Умирают деревни, как люди,—
Пустырей, как чумы, я боюсь.
И смотрю на последние избы,
Как на старых и мудрых людей.
И не слышу от них укоризны,
Что любого упрека страшней...

* * *

Не расточай ни перед кем холопства,
Расшаркиваться глупо и смешно,
Ведь скоро за иллюзией удобства
Раскаянье наступит все равно.
Такая бездна встанет пред тобою —
Хоть волком вой, собакою скули...
Наедине с обобранной душою
Ты сделаешься пасынком земли.
Не грянут очистительные грозы,
Не выйдет солнце, радостно слепя.
И даже те судьбы твоей березы
Жестоко отвернутся от тебя.
Стань ангелом иль, затворившись, злобствуй,
Слюнявя покаянное письмо,
Умри совсем — но на душе холопства
Останется посмертное клеймо.

ДОСТОИНСТВО

«Достоинство!» — гордясь, произношу
Высокое раскованное слово.
Достоинство — характера основа.
Как орден, я достоинство ношу.
Я не похож на тех, что влюблены
В самих себя —
Опасней год от года, —
Во мне живет достоинство страны
И гордого великого народа.
Мне незачем переходить на крик,
Когда борюсь за правду и идею,
Мне дан — я перед ним благоговей —
Великого достоинства язык.
Хочу я, чтоб на этом языке
Гимн подвигу народному был создан
За каждую слезинку на щеке
Отчизны и за матушкины слезы.

ВЗГЛЯД ЛЮБИМОЙ

Не надо ничего —
Ни славы, ни награды,
Сияло б торжество
Немеркнущего взгляда.
Не надо, чтобы жизнь
Беспечно улыбалась,
А надо, чтобы высь
В том взгляде отражалась.
Не надо, чтоб карал
Он за вину. А надо,
Чтоб ты под ним стоял,
Как под Отчизны взглядом.
И духа торжество
В нем жило так отважно,
Чтоб было за него
И умереть не страшно.

* * *

Мне не понять уже, откуда ты пришла,
Какой туман тебе в тоске овеял плечи...
Я знаю только то: ты родилась в двуречье —
Вороны и Хопра ты дочерью была.

Петровские ладьи спускались в Дон отсель.
Клубилась пылью степь во дни татарской сечи.
И мощно над тобой сама дышала вечность,
Когда Борис и Глеб качали колыбель.
С того и песнь твоя, с того твои черты
Овеяны огнем божественных преданий...
Мне голос ковыля и рек степных дыханье
Пытаются сказать, откуда родом ты.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Прощальный день на родине моей.
Прощальные березы у колодца.
И старый конь за речкою пасется
Сам по себе, отвыкший от людей.
Пред ним лежит в осенней дымке даль.
И чем-то мы похожи друг на друга.
В его глазах застыла боль испуга,
В моих — разлуки долгая печаль.
Прощальный день на родине моей...
Над крышею дрожит дымок прощальный.
И матушка проходит перед спальней,
Стоит и ждет чего-то у дверей.
И двух сердец согласный скорбный стук,
Как по цепочке, к нам передается.
За что она сегодня ни возьмется —
Хоть не берись! — все валится из рук.
Она не скажет, что в душе у ней
Перед дорогою моею дальней...
Да я и сам в столь долгий день прощальный
Боюсь сказать, что на душе моей.
«Ну, мне пора...» — и голос мой сорвется,
И, как всегда, не станет мне ясней,
Чем через год для нас он обернется,
Прощальный день на родине моей...

ПРЕДСКАЗЫВАЮ

Предсказываю долгие года
Березке, не изведавшей нарядов,
И только что заложенному саду,
И речке Соль, где чистая вода,
Предсказываю долгие года.

Предсказываю долгие года
Деревне на проселочной дороге,
Избушке, не скрывающей тревоги,
Где жить уже не буду никогда, —
Предсказываю долгие года.
Предсказываю долгие года
Всем, что пришли и принесли Победу,
И даже вам, ушедшим навсегда,
В делах моих
И тех, кто мне неведом,
Пути не прерывая, выйдет следом, —
Предсказываю долгие года.

МОРЕ

Мне столько лет о нем мечталось!
И потому передо мной
Оно все выше поднималось
Соленопенною волной.
И так несло оно игриво
Незащищенного меня,
Как будто я держал за гриву
В рассвет летящего коня.
И над волнами вознесенный,
Меж ним и небом —
Как ничей,
Я слышал топот разъяренный
Неуправляемых коней.
И чувствовал себя так, будто
Я вновь в родимой стороне,
И плыл — отчаянный табунщик —
На моря взмыленной спине.
Еще, играя удилами,
Оно ослушаться рвалось,
Но слышал я, что между нами
Уже согласие началось.
И ближе к берегу залива,
Где солнца плавилось стекло,
Оно, уставшее, лениво
На шаг спокойный перешло.
Потом легло и, словно другу,
Покуда шторм не поднялся,
Все трогало губами руку,
Совсем не требуя овса...

КОКТЕБЕЛЬ

Как голос детства изначальный,
Мне прямо в душу заглянул
Шум тополей исповедальный
И моря незакатный гул.
Бьют в парапет валы крутые.
На Карадаг нависла мгла.
Здесь ты,
Поэзия России,
Давно прописана была.
Шел год, бездомен и тревожен,
И, путницу глухих дорог,
Тебя здесь приютил Волошин
И ввел хозяйкою в чертог.
И я спешу в иное лето
В твой дом, глядящий на залив,
Где примирились два поэта,
Обиды старые забыв*.
В обоих гордость говорила
И кровь горячая текла...
То, Муза, ты их примирила,
Ведь ты иначе не могла.
...Даль Коктебельского залива
Твоим лучом освещена.
О, как ты, Муза, терпелива —
Как Родина и как жена!..

* * *

Все это для тебя: и синий всплеск волны,
И солнечный песок, плывущий под ногой,
И тополей в ночи серебряные сны,
И в дымке небосвод с огромною луной.
Из пенистой волны она едва взошла,
Морская пена вниз течет с ее лица...
Все это для тебя: и шумный плеск весла,
И даль, которой нет и не было конца.

* В августе 1924 года в Коктебеле, в доме Волошина, произошло примирение между Валерием Брюсовым и Андреем Белым, которые находились в конфликте с 1912 года.

Исчезнет тишина — вот-вот пойдет свежак
И волны понесет на стынущий песок.
Мне хорошо с тобой. Мне здесь свободно так —
О, если б до конца все высказать я мог!..

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

Весенняя — в спокойной дымке — даль.
И голос птиц, ликующий, зовущий.
И в сердце рядом — радость и печаль,
Когда следишь за льдиною плывущей.

Не сам ли ты плывешь? С того и жаль
Волны речной, о бурый берег бьющей,
И этой птицы, радостно поющей,
И дым костра — сиреневую шаль.

Как торопливый бег весенних вод,
Все уплывет, растает, отойдет.
Увижу ль вновь природы пробужденье?

Не угадать числа мне лет моих.
Но счастлив я, что видел в этот миг
Не день весны, а первый день творенья.

ОТЕЦ

Не много ли, Кузьма Савельич, куришь?
Здоровье куревом не подковать.
Судьба твоя кукушкою кукует
И, кажется, устала куковать.
В твоём хлеву сквозь сон жуёт корова,
Встаёт рассвет по крику петухов.
Единственный мужчина в Рудакове,
Еще ты держишь марку мужиков.
Крепиться ты, а, в общем, песня спета.
Застенчивый, как редкий гость в семье,
Ты горбишься под тяжестью рассвета
И все растешь не к небу, а к земле.
И скидки нет, и нет тебе покоя,
И новый день открытий не сулит,
Но что-то тебе видится такое,
Что мне еще увидеть предстоит.

БАЛЛАДА О МАМЕ, ОТЦЕ И ОБО МНЕ

Мама, мама, в плюшевой шубенке!
Старая везет нас лошаденка.
Шаг ее испытанный, степенный.
В хомуте идет послевоенном.
Папкина ременная подпруга.
Мама, мама, вся в снегу округа.
Скрип полозьев, как зима, тягучий,
Зимние заносчивые тучи —
Все тоской мне сердце обложило...
Если бы не надо ехать было!
Едем лесом... Едем. Ты дышаешь:
— Не замерз? — Тулупчик поправляешь.
Я молчу, как в чем-то виноватый.
Так отец мой спрашивал когда-то.
Мама, мама, я не слышу сердца —
Мне уже вовек не отогреться...

* * *

Пронзительная даль явившихся снегов.
Сверкающий покров. Глазам от снега больно.
А сердцу хорошо. А сердцу так привольно,
Как будто я не знал утрат и ложных слов.
Я знал их хорошо. Стоял лицом к лицу
С бедою, от какой не отошел и ныне.
...И жаль мне белизны, но я иду к отцу
По белой, ледяной, мерцающей пустыне.
Как ветер жжет лицо. Как холодно кругом.
Как засыпает снег тропу мою к могиле.
Но я иду к отцу — сквозь время — обессилев,
Иду на зыбкий свет, горящий над крестом...

* * *

Брату Василию

Я не видел такого еще сентября.
Я не видел, чтоб так загоралась заря,
Окативши, как будто живую водой,
Старый Ширкинский лес, небосвод молодой.

Я не видел такого еще сентября:
Чтобы в полдень от зноя дымилась поля,
Чтоб в свои золотые — под солнцем — часы
Так беспечно звенели, смеялись овсы,
Что — комбайном коси их иль старой косой —
Все равно будет слышен их смех золотой.
Я не видел такого еще сентября:
Чтобы звезды висели, как свечи, горя,
Чтоб такая стояла в ночи тишина,
Что она и в Нью-Йорке, пожалуй, слышна.
Я таких никогда не видал сентябрей.
Или зренье мое стало нынче острей?
И чувствительней сердце и тоньше мой слух?
Слышу все, к чему был до недавнего глух.
Маюсь болью чужою, как болью своей.
И по свету в глазах различаю людей.
И ложусь я, уставший, в постель тишины,
Когда все уже видят не первые сны.
И опять поднимаюсь ни свет ни заря.
...Я не видел такого еще сентября.

ЧЕСТЬ

Е. А.

I

Хвала вам, день и ночь,
Любое время жизни!
Все суетное прочь!
Все сущее я вызнал.
Я вызнал все, как есть.
Отпала слов полова
И обнажилось слово
Свежо и чисто —
Честь!
Какой приятный звук,
Какая даль открылась!..
О, только б ты от рук,
От сердца не отбилось!
О, только б ты всегда,
В любое время года
Горело, как звезда,
Не ведая захода!

II

Залетает в окошко снежок
И лежит, как пробелы меж строк.
— Залетай,— говорю,— залетай,
Над строкою моей просияй!
Пусть она и тебе в свой черед
Ветром жизни лицо обожжет.
Залетай! Может, скажет строка,
Как судьба у поэта горька.
Ведь покамест он Музе служил,
Одинокством замороженный,
Он на пламя строки отрешенно,
Как на плаху, всю жизнь положил.
Залетай же в окошко, снежок,
И ложись, удивительно бел,
Между только что сказанных строк,
Может, это последний пробел...

ТРЕВОЖНАЯ МУЗЫКА ВРЕМЕНИ

Тревожная музыка времени,
Я слышу тебя и боюсь,
Как будто в серебряном стремени
Навстречу я гибели мчусь.
В твоём нарастающем гуле,
Который грозою навис,
Снарядов разрывы и пули
Дыханье сбивающий свист.
И как я сегодня ни сетуй
На этот тревожный набат,
Он стал моим слухом и сердцем,
Во мне отразившись стократ.
Зима. Доживу ли до зелени?
И вновь припаду ли к ручью?
Тревожная музыка времени,
Я падаю в бездну твою...

* *
*

Сумасшедшие ветры на просторы России напали —
Аж дубы-крепьши рокотать на пригорках устали.
И оторванной жестью стучат напряженные крыши.

Я под ветром кричу и свой голос оглохший не слышу.
Я стою над Днепром, на котором вскипают буруны,
И струной тетивы натянулись души моей струны.
Словно жду я чего-то от этого ярого ветра,
Словно я не прошел по земле все мои километры.
Я прошел их давно. Ничего уж почти мне не надо —
Мне всегда не хватало материнского скорбного взгляда.
Мне всегда не хватало в окне ее мягкого света...
Что же ждать мне теперь от недоброго этого ветра?
Я стою на ветру — жестко листья дубы осыпают.
И днепровские воды за спиною моею вскипают...

* * *

Запоминаю каждую весну
И каждый миг весны запоминаю,
В глаза прохожих пристальной смотрю я,
Как будто жизнь читаю по глазам.
О, эти взгляды, ждущие участия,
Открытые, как солнечное пламя!
Мне кажется, когда я их читаю,
Что все мы — братья на земле родной:
Ты, юноша, влюбленный и счастливый,
Ты, мудрый, все узнавший в жизни старец,
И ты, малыш, поднявший над коляской
Кулачик дерзкий, как флажок души.
Да, все мы братья, дорогие дети
Той женщины, что сказочно красива,
Что едет с нами в поезде незримо,
И борозду ведет неторопливо,
И атом непокорный укрощает,
И космоса осваивает дали,—
Той женщины, чье имя: «Русь, Россия»
С горячих уст срывается само.

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕКЕ С ТОЙ ВОИНЫ

О чем в автобусах мы речь ведем
И чем отводим в электричках душу?
Все реже вспоминаем о минувшем,
Все чаще обсуждаем, как живем.

Мы говорим: достаток, мол, у всех,
Не редкость холодильник и машина...
Но я замру, когда войдет мужчина —
На всех нас не похожий человек.
Он сядет, ничего не говоря
И в наши не вникая разговоры.
И лишь глаза — из боли и укора —
Глядят в окно, где висится заря.
И, словно раздвигая этот мир
И времени чашобу раздвигая,
Он слышит, как гремит передовая,
И свой последний ощущает миг.
И фронтовой в окно ворвется ветер
И порохом дыханье опалит.
Я чувствую, как он за миг до смерти
В глаза мои с надеждою глядит.
Он говорит: «Война — всегда война.
Я жить хочу, как все, кто умирает...»
И чем себя он злей под танк бросает,
Тем яростней моя пред ним вина,—
Всех едущих!
Он видит все и слышит,
Всю боль земли в глазах своих неся...
А вдруг его — как он вошел и вышел —
Из всех сидящих видел только я?!

* * *

Не я, а сердце просит слова:
Люблю давно — не напоказ! —
Огонь смеющихся, медовых,
Неповторяющихся глаз.
Оно, конечно, солнца мало
Под небом северных широт,
Я знаю, где ты собирала
Их солнцем выстраданный мед.
Еще горят следы босые
Неподалеку от меня,
Где пронесли вы — ты с Россией —
В глазах цвет меда и огня.
Он, этот цвет, не исчезает
И на просторе ветровом
С годами ярче полыхает,
Как в сердце страждущем моем...

* * *

Выстужает мне сердце не холод январский,
Иссушает мне душу не ветер и зной,
Не дают мне покоя характер бунтарский,
Твое сердце степное и голос степной.
Мир до встречи с тобой был реальней и проще,
Этим сказано все: я служу, я — солдат.
...Проходила опушкой Теллермановской рощи —
То ли небо обрушилось, то ль обрушился взгляд?
Трудно что-то сказать мне о прочих влюбленных,
Мир двоих не узнать, он понятен лишь им,
Но я так и стою над рекою Вороной
Под полынным сияющим взглядом твоим...

* * *

Я молнию у неба взял...
Александр Чижевский

А ведь истинно — время чудес,
Если ныне над светлой планетой
Раскрываются окна небес
Под воздействием нашего света.
Беспорядочно звезды висят,
Но в просторах немислимо дальних
Вечный хаос логичен, как ряд
Старых чисел простых, натуральных.
И со всем, что у нас на виду
И что скрыто в дали бесконечной,
Потому мы едины и вечны,
Что находятся в этом ряду
И звезда и душа человечья.

* * *

Все, что открыто, принимаю.
Над гайной разум вознесло.
Себе и вам напоминаю,
Что время звездное пришло.
Себе и вам твержу упорно,
Как первоклассник, по слогам:

На нас глядит
Из бездны черной
Еще
Неведомое
Нам.
Невидимое на орбите
Средь непроложенных орбит...
В нем с нами сходства не ищите —
Не сходство нас объединит,
А то, что в даях мирозданья
И на Земле у нас одно:
Первоначальный дар познания.
Другого просто не дано.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

Валентину Распутину

По деревне мчатся кони,
Гривы взметаны огнем...
Вижу избу, подоконник,
Кошку рыжую на нем.
Дед вздыхает: «Елки-палки...»
Греет кости на печи.
И сверкают
Самопрялки
Говорящие лучи.
И, лукаво щурясь в стекла —
Вся из ласки и любви, —
Говорит мне баба Фекла
Сказки древние свои.
Слушать боязно и странно —
Потому что ночь близка —
Про царевича Ивана,
Про Ивана-дурачка.
Но, решительный ребенок,
Я шепчу себе: «Не трусь!..»
Вырастаю из пеленок,
Гражданином становлюсь.
Не страшит меня нисколько
Лет нелегкая печать.
Только б сердце не устало
Сказки детства повторять...

ВЯЗЬМА

О слово вязнущее — Вязьма,
Моя заглавная строка!
В тебе действительно увязли
Врага отборные войска.
Они еще рвались к столице,
Разбоем нагоняя страх...
Но потускнел огонь в петлицах,
А еще более — в глазах.
Они уже у стен Смоленска —
Заставы страждущей земли
Лишились рыцарского блеска,
С каким по Западу прошли.
Всему живому мстя бедою,
Они глотали свой же дым
И опились твоей водою,
Объелись пряником твоим.
Тот пряник горек,
Как пустыня,
Для всех, кто на чужое зрит.
Он в горле, словно кол,
Поныне
У тех, у выживших,
Стоит...

* * *

На ветер слова не бросаю
И не впускаю в сердце лень.
И все, что было, воскрешаю
И прозреваю новый день.
Я подхожу к нему с боязнью,
Но мне почувствовать дано,
Какой мучительною связью
С ним прошлое сопряжено.
Но не забвеньё,
Не пустыня
К их подступили рубежу,
А я, живой, стою меж ними
И крепко за руки держу...

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Саше Варульникову

Верст десяток (замечательно!)
Я протопая в Печатники.
Это было так недавно
И запомнилось навек:
Я — киношник,
Самый главный
На деревне человек!
Я хожу себе, пошучиваю,
Ленты старые покручиваю.
А картина через часть обрывается,
Но по молодости мне все прощается.
Даже если фильм неверно
Прокручу штанами вверх,
Все равно я на деревне
Самый главный человек.
...А теперь уж три десятка распечатаны.
Провела б меня ты, жизнь моя, в Печатники,
Где картина через часть обрывается,
Где по молодости мне все прощается...

* * *

От всех моих дорог, от всех моих скитаний
Осталась только ты, отпавших лет мечта:
Хотел постигнуть мир — не утолил желаний,
Мне их не утолить, как видно, никогда.
Я постигал людей, немногого достигнув,
Что человек — как мир, я сам себе внушил.
Я с трепетом читал живой природы книгу.
Я тело истязал — не предавал души.
И даже в страшный день, услышав миг предела,
Последнюю в руке удерживая дрожь,
Я прокричу судьбе: Бери худое тело,
Оно мне ни к чему. Но душу не тревожь!

ЛОБНЯ

Моя подмосковная станция
В сиянии дней голубых,
Как видно, навеки останусь я
Под крышей деревьев твоих.

Под неба изменчивой крышей,
Где пара берез над прудом,
Где гул мне ритмический слышен,
Гремит шереметьевский гром.
Сомкнули столетние липы
Вершины в трепещущий свод.
И бас электричек охриплый
Мне долго уснуть не дает.
Ты держишь меня не пропиской,
Которую дали с трудом,
А белым своим обелиском,
Распластанным
 чайки крылом;
И этой веселой порошей,
Разливом, что будет опять.
Дорогой. И белою рощей.
А чем еще можно держать?..

ПОЛЫНЬ

Здесь, где когда-то встретились с тобой,
Где лилий я дарил тебе созвездья,
Ты сорвала в день нашего отъезда
Полынный куст, пахучий и седой.
И словно бы уже издалека,
Из тех годов, куда возврата нету,
Ты говорила: «Как она горька...»
И мяла лист и щурилась от света.
Мы медленно шагали вдоль реки.
И с переката ветерком подуло —
И горечью полынной потянуло
Мне прямо в душу от твоей руки.
Мне от лица годов не отстранить,
Не отвести, как ветел близких ветви...
И так мне захотелось пережить
Прошедшие, как сон, десятилетия!
Услышать беззаботный, юный смех,
Любить тебя возвышенно и слепо.
...Шумит река. В затоне лилий снег.
Горчит полынь. И догорает небо.

* * *

На берегу, почти что на краю —
Высок обрыв и глубоко течение —
Глядишь в Ворону — в молодость свою.

Но где оно, ее изображение?
Нет, ничего уже вернуть нельзя.
Ушедших вод река не возвращает...
Любимая, гляди в мои глаза —
В них молодость твоя еще сияет.

* * *

По крупицам, мгновеньями время течет.
Вы, мгновенья, в руках моих таете...
Улетающий день,
Улетающий год,
Улетающий век,
Вы куда отлетаете?
Я еще не прочел ваших новых страниц
О моей удивительной Родине.
Вы похожи всегда почему-то на птиц,
На восходе похожи особенно.
Может быть, потому, что подсвечена высь
Неожиданным светом, что быстро растает.
Может быть, потому, что восход — это жизнь,
А ее почему-то всегда не хватает...

ТАЛАНТЛИВЫЕ ЛЮДИ

Вячеславу Горбачеву

А я люблю талантливых людей,
Я к ним тянусь,
Как к свету — все живое...
Поговорить с таким — живой водою
Мысль окатить, чтоб думалось ясней.
Меня влечет талантливость во всем —
Талантливость улыбки, жеста, смеха.
Но нет награды выше — за трудом
Талантливого видеть человека.
Он бог в тот миг! И более всего
Бросается в глаза, как убежденность,
Его сосредоточенность, его
От суетного мира отрешенность.

Но много ли узнаешь о творце,
Когда он словно отдален работой?
Его душа, горя в крупницах пота,
В конце труда проступит на лице...

* * *

Я ничего на свете не боюсь!
Рожденного в смоленском захолустье,
Меня с пеленок пестовала Русь,
На белых крыльях поднимали гуси.
Меня качала гиблая волна
Днепровского — до неба — половодья.
Я рысака натягивал поводья,
Когда от бега был пьяней вина.
Я никого на свете не боюсь.
Я знаю, чем, придя, пришелец платит:
В моих глазах стоит такая грусть —
На всех детей моих и внуков хватит.
Я не сломлюсь! Напрасно из меня,
Железного, веревки вить пытаться.
И знаю я, за что мне насмерть драться
И за кого глядеть в лицо огня.

ПОЭМА БЕЗУМИЯ

*По плану «Дропшот», утвержденно-
му президентом США, в начале
третьей мировой войны — 1 января
1957 года — намечалось сбросить
300 атомных бомб на 100 советских
городов...*

*Ныне планы уничтожения челове-
чества несравнимо чудовищней.*

1

В сердце время
 врывается зуммером —
Мне ли, мыслящему, молчать?
Я пишу
 Поэму
 Безумия —
Может, некому будет читать...

Динозавры?

Нет — люди умерли.
Обезумели. Обезумели.
Над Америкой и Европою,
Средь памирских могучих глыб
Термоядерной катастрофой
Распластался зловещий гриб.
«Ястреб» сумрачный!

Смертник! Что еще
Ты б хотел совершить, злодей?
Распласталось твое чудовище
Над погибшей

Землей Людей.
Ты и сам лежишь без движения —
Неестественно так затих.
После акта уничтожения,
Акта
Самоуничтожения
Актов

нет уже
никаких!
В сердце время врывается зуммером,
Преступление —

промолчать!
Сон мой — взорванный ад Везувия!
Я пишу

Поэму
Безумия,

Чтобы
было
кому
читать...

2

Средь мрачных гор по пеплу и золе
Шел человек по выжженной Земле.
Он на итог чудовищный смотрел,
Единственный, который уцелел.
Вокруг него — куда ни бросит взгляд —
Лежал земной невыдуманный ад.
В морях стояла мертвая вода.
И мертвые дымилась города.
И деревья, обуглены, в золе,
Лежали, вытянувшись, на земле.

И тишина была, какой вовек
Не слышал этот странный человек.
И он тогда от горя закричал,
Но голоса никто не услышал.
И только ветер, черный и сухой,
Шумел над головой его седой.
Он то стихал, то снова нарастал
И гибелью дыханье обжигал.
И все опять тонуло в мертвой мгле.
Их было двое, шедших по Земле.
Их было двое странников земных
На мертвенных просторах мировых.
Куда судьба их, страждущих, вела?
Вокруг одна немая смерть была.
Что человек? Коль птицы, муравья
Не слышала, не видела Земля.
И червь застыл в изгибе дождевой...
Он шел — стекло хрустело под ногой.
Куда он шел, когда на всем пути
Ничто не смело двигаться, расти.
Все то, что жизнью на Земле звалось,
В одно мгновение оборвалось.
И даже в космос, как того хотел,
Послать сигнал ученый не успел.
Лишь спутники в космической дали
Глядели на трагедию Земли.
Шел человек, бежал быстрее, быстрее...
В глазах плескалось пламя миражей.
Он есть хотел, но больше жаждал пить...
И стал он медленно с ума сходить.

3

И тут к нему на грани сумасшествия,
Где мертвая река у ног текла,
Еще вчера любимая им женщина,
Вся черная от горя, подошла.
В руках чернели мертвые цветы.
И молвила: «Теперь доволен ты?
Не закрывай глаза, смотри вокруг
На черные дела своих же рук.
Ты был могуч. Ты этого хотел,
Когда нажать на кнопку повелел...»
И вырастали за ее спиной
Родная мать и сын его родной.

Они глядели черными глазами
В прозревшие — мелькнула мысль — глаза.
И черными, как смерть сама, слезами
Текла их скорбь, что выплакать нельзя.
Сказала мать: «Ты постарел, сынок...» —
Он слова ей в ответ сказать не мог.
И разрывали сердце, как свинец,
Слова сыновьи: «Ты седой, отец...» —
И молвила любимая жена:
«Ты жив еще. А где твоя страна?
Где твой народ, который ликовал,
Когда тебя, безумец, избирал?...» —
Она махнула черною рукой —
Иль это смерть сама рукой махнула? —
И бурю нейтронною подуло
Над выросшею черною толпой.
Огромная толпа — за горизонт,
И лица, что народом назывались,
В одно лицо огромное сливались
И шли к нему — аж отшатнулся он.
Был для него их взгляд невыносим,
Исполненный презренья и печали.
Они собой его разбой венчали,
До одного уравнившие им.
Над ними власть — всеильно — обрета,
Он в черный день отдав приказ, мгновенно
Уравнивал и старца и дитя,
Убийцу, нищего и бизнесмена.
Уравнены — настигла юность смерть!
Уравнены — настигла старость смерть!
Уравнены — настигла память смерть!
Уравнены — настигла время смерть!
Приравнены к нулю течение дней —
Что значит оно, время, без людей?
Они стояли молча перед ним —
Был для него их взгляд невыносим.
Все, все глаза смотрели на него,
От этих глаз не видно ничего.
И руки все —
К нему!
К нему!
К нему!
К кумиру —
Президенту своему.
Он пред толпой застыл, как монумент.

— Ну что же ты не с нами, президент? —
Вдруг грянуло над замершей толпой:
— А мы ведь были до конца с тобой!
С тобою, сэр!
С тобою до конца! —
И разом,
Как тогда,
Единогласно
К ногам его, пылающие красно,
Бросали обнаженные сердца.
Милions их среди застывших глыб
Вершиною взошли невыносимой...
И вдруг из каждого
Взметнулся гриб,
Как первый,
Тот,
Что встал над Хиросимой.
И миллионы самых ярких солнц,
К глазам его приближены,
Пылали
И пыткой такой его
Пытали,
Какой не мог представить даже он.
И таяли, охвачены огнем,
Под выжженную пепельною синью
При нем, живом,
При нем,
При нем,
При нем!—
Лицо жены, и матери, и сына.
И что-то сразу в нем оборвалось.
И вспомнил он, как э т о началось...

4

И он услышал голос свой —
Все это было не сегодня ль?
«Америка, ты рай земной,
Ты всех богаче и свободней!
Ты можешь все. Но есть вопрос —
Он в нашем теле, как заноза! —
Страшнее всех земных угроз
Тебе советская угроза!...» —
Входили пулями в него
Слова его же самого.

Он их улавливал с трудом
Среди всемирного молчанья,
Слова, с какими в Белый дом
Входил под гул рукоплесканий.
И он признаться был готов,
Не поборов к себе презренья,
Что в годы своего правленья
Весь состоял из этих слов.
А какова цена словам,
Теперь — теперь лишь! — понял сам.
И долетал издалека
Волнообразный гул лавинный
Раскрученного маховика
Милитаристской их машины.
Тот маховик в мильоны сил
Вражды слепой к иному строю
Пускай не им запущен был —
Раскручен был его рукою!
А на другом краю Земли
За мир боролись, как могли.
Боролись за своих детей,
Боролись за его детей,
За свой народ, его народ —
За все, что дышит и живет,
За тихий, мирный отчий дом
И... за его же Белый дом.
Но он их голосу не внял —
По теле-
Радио
И устно
Психоз военный накалял,
И стало массовым безумство.
И, став безумною, страна
Была в гипноз погружена,
В гипноз войны и шовинизма:
«Сметем заразу коммунизма!»
«Сметем!»
«Сметем!» —
И над Землей,
На дне морском,
В земных колодцах,
Прикрыты,
Вертикально к Солнцу
Ракеты замерли, собой
Накрыть готовы
Шар земной.

«Мы первый нанесем удар!»
«Мы упредим!..» — в ответ кричали.
И кнопку гибели нажали —
И грянул ядерный кошмар.

5

Он не видел уже ничего.
Смерть щадила его одного.
Он просил себе смерти, но...
— Нет!
Не умрешь!.. — хохотало в ответ.
— Нет! — кричала морская волна.
— Нет! — деревья кричали, черны.
— Нет! — распластанные слоны.
— Нет! — погибшие рыбы со дна.
— Нет! — умерший кричал муравей
У последней хвоинки своей.
И кричала родимая мать,
Высоко вознесясь над Землей:
— Ты не мой!
Ты не мой!
Ты не мой!
Мать не могут сыны убивать!
Знай же мой материнский ответ:
«Ты пройдешь через тысячи бед,
Проживешь еще тысячи лет,
Одинок, беспризорен, убог...».
Он взмолился: «О, смилуйся, бог!
Я молю тебя!» — он говорил...
А в ответ только ветер скулил.
Да угрюмое небо сквозь гром
Проливалось нейтронным дождем.
А затем — как последнее зло —
С президента безумье сошло.
Он на мертвую Землю глядел
И в безумие впасть захотел.
— Слишком многого хочешь, но я
Не позволю! — сказала Земля. —
Будешь жить. И в какой-нибудь век
На пути бесконечном моем
Здесь появится вновь человек,
Ты расскажешь ему обо всем,
Как ты власть над людьми получил,
Как ты жизнь на Земле погубил... —

И опять он, крестясь, закричал,
Но никто его не услышал.
Только ветер нейтронный сухой
Прошумел над его головой.
Он закрыл, ужаснувшись, глаза,
Только было закрыть их нельзя.
Они сами открылись, чтоб мог
Видеть он бесконечно итог
Воплощенья безумных идей
На прекрасной Планете Людей...

Э п и л о г

В который раз — да будет проклят он!—
Мне снится все один и тот же сон.
Я не могу его преодолеть.
Мне, может, легче смерть преодолеть!
Мне, может, легче быть немым, глухим,
Мне, может, легче быть совсем слепым,
Чем ждать его — он в завтра устремлен!—
Беду мою, мое проклятье — сон.
Работаю ль, иду ль с семьей в кино,
Я знаю: он приснится все равно.
Он все равно в свой час ко мне придет
И гибелью дыханье обожжет.
И я кричу — хочу протестовать.
Кричу во сне — и не могу кричать.
Не звуками, а стрелами огня
Все крики возвращаются в меня.
Я, как Земля, кругом, со всех сторон,
Ракетами безумно начинен.
И все они поставлены на «пуск»...
И вот уже взрывается мой пульс.
И в космос, как ракета, по кривой
Лечу я над уснувшею Землей.
Лечу я без сознания, не дыша,
Все взорвано — и тело и душа...
А утром, когда солнышко, слепя,
Над Родиной прекрасною взойдет,
Едва прервав свой гибельный полет,
Так медленно я прихожу в себя,
Как будто я еще за той чертой...
И я лежу не мертвый не живой.
И я смотрю на свежие цветы —
Я не видал подобной красоты!

И я смотрю на поле и на лес,
Что так свежи под свежестью небес,
Как будто я за все свои года
Такой красы не видел никогда.
И счастлив я, что счастлива жена,
И счастлив я, что счастлива страна,
И счастлив я, что счастлив мой народ,
Что грудью против гибели встает.
Я славлю землю, небо и траву.
Я славлю жизнь!
Но страшно мне, что дожил
До сна,
Который вижу наяву,
До сна,
Что президентам снится должен!..

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Ярослава Смелякова	3
«Я сегодня за все отвечаю...»	4
«Не расточай ни перед кем холопства...»	4
Достоинство	5
Взгляд любимой	5
«Мне не понять уже, откуда ты пришла...»	5
Прощальный день	6
Предсказываю	6
Море	7
Коктебель	8
«Все это для тебя: и синий всплеск волны...»	8
Весенний сонет	9
Отец	9
Баллада о маме, отце и обо мне	10
«Пронзительная даль явившихся снегов...»	10
«Я не видел такого еще сентября...»	10
Честь	11
Тревожная музыка времени	12
«Сумасшедшие ветры на просторы России напали...»	12
«Запоминаю каждую весну...»	13
Баллада о человеке с той войны	13
«Не я, а сердце просит слова...»	14
«Выстужает мне сердце не холод январский...»	15
«А ведь истинно — время чудес...»	15
«Все, что открыто, принимаю...»	15
Стихи о детстве	16
Вязьма	17
«На ветер слова не бросаю...»	17

Самый главный человек	18
«От всех моих дорог, от всех моих скитаний...» . . .	18
Лобня	18
Полынь	19
«На берегу, почти что на краю...»	19
«По крупицам, мгновеньями время течет...»	20
Талантливые люди	20
«Я ничего на свете не боюсь!..»	21
Поэма безумия	21

Иван Кузьмич Савельев

ТРЕБУЕТСЯ ПОЭТ!

Редактор **Е. А. Антошкин**.

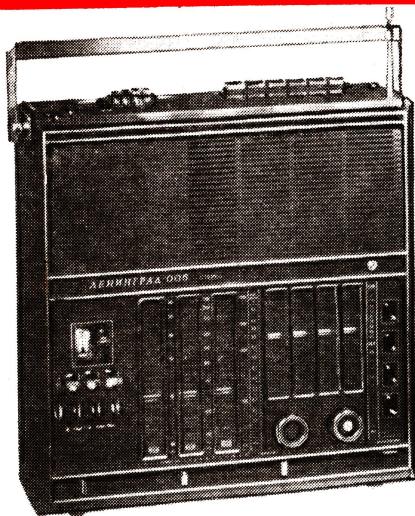
Технический редактор **Е. Н. Щукина**.

Сдано в набор 19.06.81. Подписано к печати
13.08.81. А 00410. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,4. Учетно-изд.
л. 1,55. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1805.
Заказ № 890. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 15 коп.

Индекс 70668

Высокое качество звучания, широкий диапазон частот, повышенная выходная мощность — главные достоинства переносного транзисторного радиоприемника высшего класса «ЛЕНИНГРАД-006-стерео». Он принимает передачи в длинных, двух средних, пяти коротких и ультракоротких диапазонах волн. При подключении стереонаушников в УКВ-диапазоне можно прослушать стереофонические программы. Питание приемника универсальное — от сети и батареек. Для удобства пользования «Ленинград-006-стерео» оснащен стрелочным индикатором точной настройки, имеет ряд автоматических регулировок.
Цена — 315 руб. 02 коп.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»